

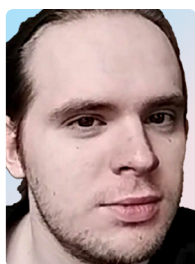
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.8

УДК 316.3 | ББК 60.52

© Дудин И.В.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ ОБ ОСНОВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧ ДУДИН

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: kaisavolsunen@mail.ru

ORCID: [0000-0002-0025-9958](https://orcid.org/0000-0002-0025-9958); ResearcherID: [GWV-2162-2022](https://orcid.org/GWV-2162-2022)

Понимание «болевых точек» общества и наиболее острых для него противоречий актуально при анализе любого социума, а особенно такого сложного общества, как российское. Однако анализ этих противоречий может осуществляться как с точки зрения их объективной значимости, так и через призму субъективного восприятия их населением, что особенно важно при анализе социальной напряженности. В рамках последнего подхода и подготовлена данная статья, в которой поставлена цель понять, какие противоречия российского общества воспринимаются населением страны как наиболее острые. Рассмотрены взгляды зарубежных и отечественных исследователей на основные противоречия в обществах современного типа вообще и в российском обществе в частности, дана сравнительная характеристика значимости различных социальных противоречий российского социума в восприятии граждан страны, определена специфика групп, различающихся оценками наиболее острых противоречий российского общества, и группы, не видящей в нем вообще никаких острых противоречий, а также проведено сравнение оценок населения относительно наиболее острых противоречий российского общества и оценок ученых, занимающихся указанной проблематикой основных противоречий современных обществ. В частности, острее всего россиянами воспринимаются противоречия между богатыми и бедными и противоречия, отражающие разные грани взаимоотношений государства и граждан. Больше всего противоречия в обществе волнуют россиян, характеризующихся субъективным материальным неблагополучием (причем субъективное восприятие своего положения важнее, чем реальные размеры доходов), жителей Москвы и Санкт-Петербурга, а также пожилых граждан. В то же время молодежь до 25 лет, жители сел и не испытывающее

финансовых трудностей население воспринимают противоречия в российском социуме спокойнее, чем представители остальных социальных групп.

Социальные противоречия, массовое сознание, конфликты, социальное неравенство, общественное сознание, социальная напряженность.

Введение

Социальные противоречия являются источником развития любого человеческого общества, однако в разное время и в жизни разных народов были свои ключевые противоречия, определяющие дальнейшее развитие социума. Исследование социальных противоречий позволяет определить суть конкретного общества, в том числе помогают ответить на вопросы о том, какова его структура, какие потенциальные конфликты в нем зреют и как оно будет развиваться в будущем. Особенно актуальны подобные знания при анализе столь сложного общества, как российское. Для снижения в нем рисков социальной напряженности важно понимать его «болевые точки» и то, как массовые слои населения воспринимают существующие в нем противоречия.

Учитывая это, мы поставили цель понять, какие противоречия российского общества воспринимаются населением страны как наиболее острые. Отсюда вытекают задачи исследования: 1) определить основной набор противоречий, объективно присущих современным обществам; 2) понять общую картину восприятия противоречий в массовом сознании российского общества до начала специальной военной операции (далее – СВО) на Украине; 3) выявить характерные особенности групп, различающихся представлениями об особо значимых противоречиях российского общества; 4) определить специфику групповой принадлежности россиян, не наблюдающих острых противоречий в современном российском обществе; 5) оценить, насколько остро воспринимаются в современном российском обществе противоречия, рассматриваемые как основные для мира в целом зарубежными и отечественными теоретиками.

Объектом исследования, учитывая данные задачи, выступило общественное сознание граждан России, а предметом – пред-

ставления населения страны об основных противоречиях российского социума.

Новизна работы заключается в том, что это первая попытка комплексного анализа восприятия противоречий в российском обществе накануне СВО массовыми слоями населения. Впервые показаны также «фоновые» (т. е. характерные для относительно спокойных периодов развития российского социума) тенденции изменения восприятия его противоречий в массовом сознании в последние годы.

Методология и эмпирическая база исследования

Ключевым вопросом при выработке методологии исследования выступал вопрос, какие именно социальные противоречия заслуживают внимания при анализе. Мы учитывали прежде всего результаты проведенного нами обзора литературы, показавшего, что если раньше безусловно доминировали локальные противоречия, локальными были и общества, то теперь встал также вопрос о роли глобальных противоречий не только в развитии человечества в целом, но и в жизни отдельных стран. Для полноценного понимания ситуации сейчас необходимо видеть всю палитру противоречий в конкретном обществе, т. к. в любой момент они могут изменить для него свою значимость. Понимание общего спектра различных противоречий, характерных для обществ современного типа, а также их роли необходимо и для полноценного анализа ситуации в России.

В зарубежной науке проблема социальных противоречий представлена достаточно широко (De Dreu, 2010; Wiewiorka, 2013 и др.). При этом в качестве основного противоречия современности рассматривается обычно противостояние глобального и локального. Подобной точки зрения придерживаются М. Кастельс, И. Валлерстайн, У. Бек и другие ученые. Однако они интерпрети-

руют это противостояние по-разному. Так, М. Кастельс характеризует ключевое противоречие современности как конфликт¹ между «Сетью» и «Я». Под «Сетью» он понимает мировое сообщество, объединенное процессами глобализации во всем их многообразии, в т. ч. цифровыми технологиями. «Я» при этом трактуется М. Кастельсом как индивидуальность отдельного человека, целых этносов или регионов. Тем самым обезличенный универсальный мир противопоставляется имеющим свою уникальность отдельным его частям, а конфликт между ними в попытках Сети уничтожить любую индивидуальность и подчинить ее своим законам или в попытках отдельных субъектов (локальных, этнических и т. п. сообществ и даже конкретных людей) ее сохранить и обеспечить ее развитие выступает проявлением основного противоречия современной эпохи (Кастельс, 2000).

И. Валлерстайн же утверждает, что суть противоречия между глобальной миростемой и отдельными ее элементами заключается не в борьбе за право на сохранение в рамках этой системы своей индивидуальности, как считает М. Кастельс, а в борьбе за равенство в рамках этой системы и устранение дискриминации, обусловленное как местом в ее структуре, так и другими факторами. По его мнению, глобализация предполагает создание соответствующей идеологии – универсализма, смысл которой заключается в том, что некие общие правила едины для всех, вне зависимости от этноса, пола и социального положения. Универсализм проявляется на всех уровнях человеческих отношений – политика, бизнес, право на образование, честная конкуренция на рынке труда и т. д. Однако И. Валлерстайн говорит и о противоположном явлении – антиуниверсализме, предполагающем гендерную, этническую, возрастную и т. д. дискриминацию, конфликты на почве которой, по его мнению, неизбежны (Валлерстайн, 2006, с. 112–115).

В тех или иных вариантах такой подход к роли глобальных противоречий в жизни со-

временных обществ разделяют и другие исследователи. Так, Э. и П. Даль Бе утверждают, что основным противоречием в глобализирующемся мире выступает борьба за правила, регулирующие производство, перераспределение и присвоение материальных и нематериальных благ. Подобные противоречия, как они подчеркивают, способны проявляться не только на глобальном уровне, но и на локальном, в виде роста преступности или даже в гражданской войне внутри отдельной страны (Dal Bó, Dal Bó, 2004).

Среди других разновидностей противоречий, обусловленных борьбой за монополизацию своих позиций, против дискриминации или за перераспределение значимых ресурсов внутри страны, исследователями называются противоречия между разными элитными группами, различными социальными общностями (национальными, поколенческими, гендерными и т. д.), идеологические и иные противоречия. Так, например, достаточно самобытной на общем фоне выглядит концепция У. Бека, который видит основное противоречие современной эпохи в противостоянии стран, распределяющих богатства, и стран, распределяющих риски. Подобное противостояние приводит, с его точки зрения, к появлению обществ, которые ставят решение проблем глобального масштаба (ухудшение экологии, вопросы распределения природных благ между странами) превыше интересов и суверенитета отдельных стран (Бек, 2000).

Современные теоретики выделяют и другие, более частные противоречия, способные дестабилизировать многие общества по всему миру. В их числе прежде всего противоречия интересов разных групп в сфере труда. Компании и корпорации стремятся максимально автоматизировать рабочие процессы на своих предприятиях в целях экономии. Это приводит к конфликтам с людьми, теряющими рабочие места по причине автоматизации (Кастельс, 2000, с. 158–160). Имеют место быть и конфликты на почве заработной платы. Разумеется, работодатель хочет

¹ Конфликт мы рассматриваем как определенный этап развития противоречия, когда оно достигает максимальной остроты.

снизить расходы, в том числе на заработную плату персонала, что вызывает негодование со стороны работников. Однако работники могут повлиять на конфликт, особенно если это люди с редкими и ценными навыками. В последнем случае все сводится к соотношению спроса и предложения на том или ином сегменте рынка труда. Работники могут также объединиться против работодателя и включиться в профсоюзную борьбу (Валлерстайн, 2006, с. 180–181). К числу важнейших противоречий, связанных с трудовой деятельностью человека в современном мире, относится и противоречие между интересами работника и работодателя в ходе усугубляющегося процесса прекаризации занятости (Стэндинг, 2014).

Не стоит забывать при характеристике ключевых противоречий современных обществ и про противоречия интересов разных поколений в сфере труда, связанные с сокращением продолжительности полноценной трудовой жизни. Это происходит по двум причинам. Первая – все большая часть населения учится в университетах и колледжах. Такая тенденция является результатом культурных ожиданий самого населения и все чаще предъявляемых работникам нанимателями требований о предоставлении свидетельства о высшем образовании. Вторая – значительное уменьшение числа занятых среди рабочей силы в возрасте старше 55 лет. Подобные тенденции связаны с возрастной дискриминацией и господствующим мнением о том, что как впервые выходящие на рынок труда, так и пожилые работники не способны адаптироваться к требованиям работодателей или быстрым технологическим изменениям, что наносит серьезный урон институтам социальной солидарности. Конфликты на этой почве Кастельс называет «войнами поколений» («age wars») (Кастельс, 2000, с. 412–413), в ходе которых наиболее «слабые» на рынке труда поколения (молодежь и пожилые) оказываются в ситуации наиболее жесткой конкуренции между собой.

Вышеперечисленные противоречия имеют единую причину – желание противобор-

ствующих сторон улучшить или сохранить свое положение в ходе переживаемых миром глобальных трансформаций. Не случайно Ф. Хертель и Н. Шенек установили, что люди в странах с большей долей домохозяйств со средним доходом, более высокими показателями ВВП на душу населения и индекса человеческого развития, а также более низкими социально-экономическими дисперсиями (измеряемыми коэффициентами Джини для дохода) показывают значительно более низкие уровни заинтересованности в социальных конфликтах (Hertel, Schöneck, 2019).

Проблематика основных противоречий современных обществ представлена и в отечественной науке. При этом если одни авторы (Иноземцев, 2000; Лукьянов, 2015 и др.) сосредотачиваются на противоречиях, связанных с процессами глобализации, то другие – на противоречиях более частного характера. Так, например, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов идут в русле начатого еще Г. Стэндингом обсуждения проблематики роли процесса прекаризации в формировании ключевых противоречий современного мира (Бузгалин, Колганов, 2019). А.И. Миллер и Ф.А. Лукьянов, соединяя общий и частный подходы к анализу ключевых противоречий современного мира, фокусируются на противостоянии России и «коллективного Запада», стремящегося развернуть процесс глобализации в своих интересах, и последствиях этого для российского общества (Миллер, Лукьянов, 2016) и т. д.

Однако в целом отечественные авторы чаще все же сосредотачиваются не на глобальных, а на внутренних противоречиях российского общества. Одна линия исследования связана с политологическим анализом и подразумевает внимание прежде всего к противоречиям, связанным с борьбой за власть (столкновение интересов различных групп политической элиты, противоречия интересов политической и экономической элиты и т. п.). Авторов, работающих в русле этой традиции, среди отечественных политологов и экономистов довольно много, и типичным примером работ этого направления является

известная работа С.Е. Кургиняна «Качели» (Кургинян, 2008).

Другая линия анализа представлена в основном социологами и связана с анализом восприятия противоречий российского общества населением страны или отдельными его группами. При этом анализируется как оценка различных противоречий россиянами, так и динамика их восприятия. Так, например, говоря о видении российскими гражданами основных противоречий в обществе, В.А. Аникин отмечает, что в 2010-х гг. происходило нарастание конфликтного потенциала, причины которого лежали прежде всего в сфере производственных отношений (отсутствие социальной защищенности работников, рост нормы эксплуатации и т. п.). Однако соответствующий конфликтный потенциал, по его мнению, был направлен не столько на работодателей, сколько на власть, которая в представлениях россиян оторвалась от народа, проявляет о нем недостаточную заботу и не ограничивает стремление работодателей решить свои проблемы за счет работников (Аникин, 2016).

Другие социологи акцентируют внимание на иных противоречиях российского общества. Так, например, говоря о противоречии между богатыми и бедными, В.В. Петухов подчеркивает, что, несмотря на низкий доход и общую социальную уязвимость, бедные россияне на самом деле не разделяют протестных настроений по причине крайне слабой общественной солидарности, а также политического безразличия в российском обществе. Единственное, что, по его мнению, способно вызвать заметное недовольство бедного населения – это перспектива многолетнего застоя. Она же, как и сопряженный с ней риск резкого сужения возможностей личностной самореализации, способна вызвать протестные настроения у молодежи (Петухов, 2014).

Таким образом, единого методологического подхода к анализу наиболее важных для различных обществ, в том числе российского, противоречий, как и консенсусного списка этих противоречий, не существует. Тем не менее понятно, что с точки зрения

методологии в таком анализе необходимо учитывать как внутривостановые противоречия, так и противоречия глобального характера. Кроме того, нужно помнить, что социальные противоречия, в том числе глобального характера, проявляются обычно через специфику интересов, потребностей, ценностей и установок, а также обусловленные ими социальные действия, характерные для представителей различных социальных групп. Тем самым они оказываются разными типами межгрупповых противоречий, даже если речь идет о гражданах отдельных стран и межгосударственных отношениях. И это естественно, поскольку социальные противоречия, как и общественные отношения в целом, всегда субъективируются через людей. Если же говорить об отражении и проявлении этих противоречий на уровне общественного сознания, то их межгрупповой характер становится еще более очевиден. Наконец, понятно, что одно и то же противоречие в разных обществах может иметь различную остроту, что связано как с этапом развития соответствующего противоречия, конфликтный потенциал которого в ходе развития проявляется далеко не сразу, так и с местом его в общей системе противоречий, характерных для того или иного социума, и с остротой других, наиболее типичных для него, противоречий.

Что же касается списка главных противоречий обществ современного типа, то, как видно из приведенного обзора литературы по данному вопросу, существуют противоречия между сторонниками и противниками глобализации по западной модели, между сторонниками разных идейных воззрений, между работниками и работодателями, властью и обществом, чиновниками и рядовыми гражданами, представителями разных поколений и др.. Отталкиваясь от многообразия присутствующих в научном дискурсе противоречий, мы решили выяснить, какие из них в сознании российских граждан являются наиболее острыми, а также совпадают ли они с противоречиями, рассматриваемыми зарубежными теоретиками как наиболее острые в глобальном масштабе.

Эмпирической базой анализа послужили данные мониторинга Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН). Опросы в рамках этого мониторинга проводятся начиная с октября 2014 года не реже одного раза в год по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения по месту жительства. На первой ступени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов Российской Федерации. На третьей ступени внутри субъектов РФ рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса соблюдаются квоты по социально-профессиональной принадлежности и полу, а также возрастные пропорции².

В нашем исследовании использовались данные опросов, проходивших в мае 2017 года (N = 4000) и марте 2021 года (N = 2000), причем основой анализа являлись данные 2021 года, а данные 2017 года были использованы, чтобы показать вектор изменений отношения россиян к противоречиям российского общества в относительно спокойные (в сравнении с экономическим кризисом 2014–2016 гг., вспышкой ковида в 2020 году и СВО в 2022 году) периоды. Инструментарий исследования 2017 года содержал 82 закрытых вопроса, включавших 543 переменных, а исследования 2021 года – 62 закрытых вопроса, включавших 586 переменных. Однако в ряде вопросов в обоих исследованиях респондент мог указать свой дополнительный вариант ответа.

Опрос 2021 года включал такие субъекты РФ, как Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Новгородская, Архангельская, Тульская, Ярославская, Владимирская, Нижегородская, Воронежская, Ростовская, Новосибирская, Свердловская, Челябинская,

Омская и Иркутская области, Ставропольский, Красноярский и Хабаровский края, а также республики Татарстан и Крым. В 2017 году в выборку входили в основном те же регионы, в сумме обеспечившие 83% выборки. Однако вместо Владимирской и Новосибирской областей, а также Хабаровского края в выборке 2017 года присутствовали Ивановская, Ульяновская, Саратовская области и Приморский край, а также республики Адыгея и Северная Осетия.

Отбор вопросов для анализа определялся самим предметом исследования, т. к. инструментарий обеих волн мониторинга содержал прямой вопрос о наиболее острых, по мнению респондентов, противоречиях российского общества.

Методами исследования выступали анализ данных при помощи таблиц сопряженности в программе SPSS Statistics, динамический и сравнительный анализ, а также корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена и кластерный анализ. Отдельно стоит отметить, что корреляционный анализ показал, в частности, что отношение россиян к противоречиям российского общества очень неконсистентно – так, не было ни одной пары противоречий, для связи которых коэффициент Спирмена достигал хотя бы 0,1. Попытки использовать для выделения групп противоречий, отношение к которым связано в сознании россиян между собой, кластерный анализ³ также не дали никакого эвристически значимого результата, поскольку число выделенных кластеров было очень большим (более 10), их наполняемость – незначительной, а принципы объединения различных противоречий в кластеры не поддавались содержательной интерпретации.

Значимость различных социальных противоречий в восприятии россиян

Как свидетельствуют эмпирические данные, даже в относительно спокойные периоды развития российского общества воспри-

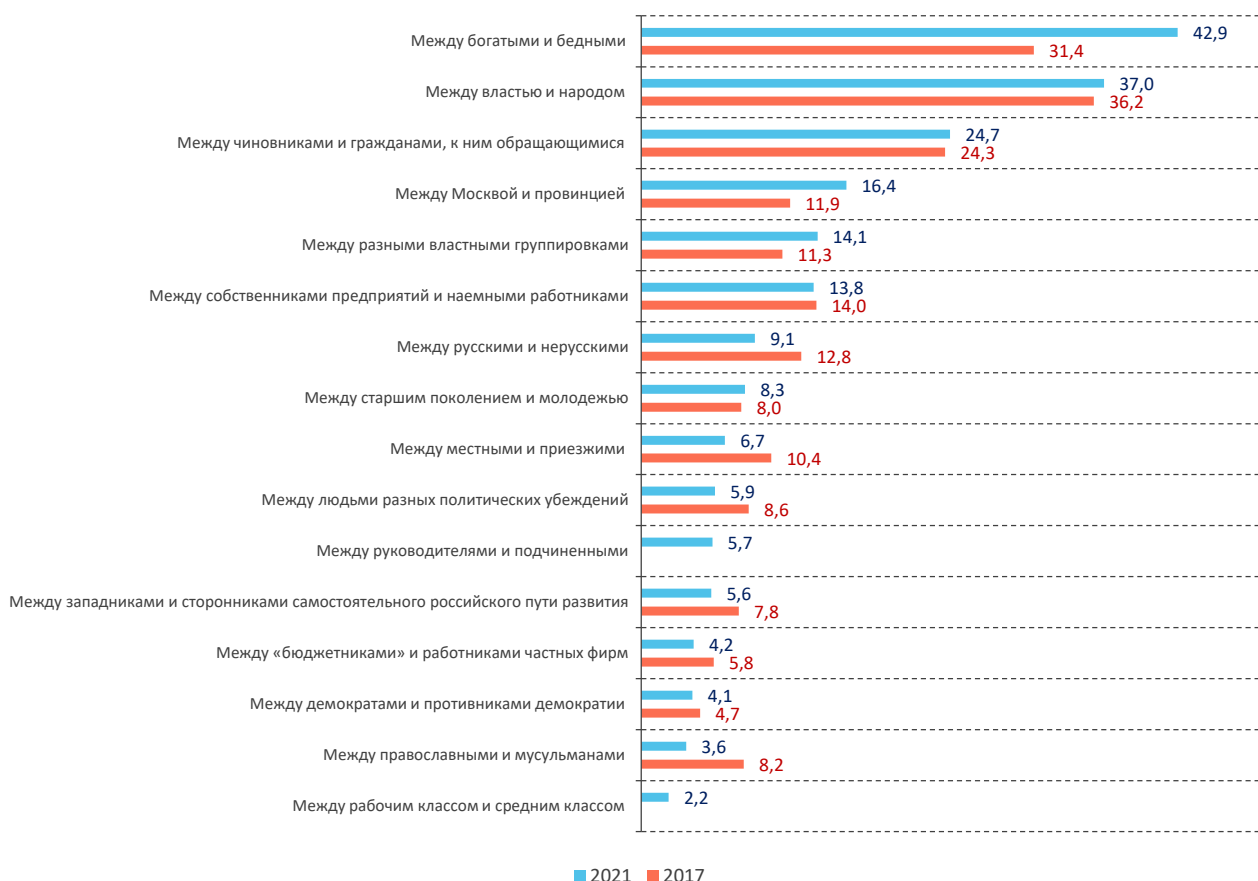
² Подробнее о выборке Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН см. (Российское общество..., 2022, с. 9–10).

³ Использовался метод двухэтапного (двухшагового) кластерного анализа.

ятие существующих в нем общественных противоречий как острых распространено среди россиян довольно широко, однако популярность различных противоречий в сравнительном рейтинге при этом существенно различается. Соответственно, прежде всего необходимо охарактеризовать общую картину восприятия противоречий в массовом сознании российского общества. Особый интерес при этом вызывает группа населения, представители которой утверждают, что в российском обществе вообще отсутствуют какие-либо острые противоречия.

В ходе исследования ИС ФНИСЦ РАН в апреле 2021 года при анализе ответов на вопрос анкеты «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?», допуская до трех вариантов ответа, сразу определилась тройка

противоречий-лидеров, отражающих специфику России на общемировом фоне (рис. 1). Два из чаще всего называемых россиянами противоречий российского общества относятся к взаимоотношениям власти, персонафицированной в государственном аппарате, и гражданам страны, а третье характеризует наиболее острую форму социального неравенства – между богатыми и бедными. В то же время, как было показано выше, противоречия между государством и его гражданами применительно к миру в целом сравнительно редко упоминаются зарубежными авторами, а острота восприятия противоречия между богатыми и бедными в обществе напрямую зависит от показателей доходного неравенства, в отношении которых Россия не демонстрирует уникальной картины, хотя они в ней все же довольно высоки (Модель доходной..., 2018).

Рис. 1. Динамика ответов* россиян на вопрос «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?», 2017–2021 гг., %

* Допускалось до 3-х ответов. Можно было выбрать также ответ «Никаких острых противоречий нет». Затруднившиеся с ответом здесь и на других рисунках не представлены, поскольку их было менее 1%.

Рассчитано по: данные мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН, май 2017 года и апрель 2021 года.

Как видно на рис. 1, самым популярным является противоречие между богатыми и бедными. Его выбрали 42,9% опрошенных и более половины всех назвавших какое-либо противоречие в числе острых для российского общества. Вторым по популярности стало противоречие между властью и народом (37,0%). На третьем месте – противоречие между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися (24,7%). Второе и третье противоречия фиксируют разные аспекты проблемы взаимоотношений государства и его граждан. Чиновники на местах являются представителями власти, и в первую очередь именно они должны реагировать на проблемы и запросы граждан, поэтому в отличие от оценки противоречия между властью и народом, имеющей скорее мировоззренческий характер, распространенность оценок взаимодействия граждан и чиновников как острого противоречия российского общества в целом говорит о серьезных недостатках в работе низовых звеньев госаппарата. Причем в разных регионах это противоречие называлось в 2021 году с различающейся в разы частотой. Следовательно, с одной стороны, работу этих звеньев все-таки можно наладить, с другой – во многих регионах этой проблеме уделяется недостаточно внимания.

Важно отметить, что тройка лидеров среди противоречий в 2017 году по составу была такой же. Разница заключается только в распределении первых двух мест – в качестве самого острого противоречия для российского общества в 2017 году респонденты называли противоречие между властью и народом (36,2%), вторым по популярности было противоречие между богатыми и бедными (31,4%). Отчасти на этом сказались наличие в опросе 2017 года выбранного 15,6% респондентов противоречия между олигархами и остальным обществом. Оно, как и противоречие между богатыми и бедными, отражает глубину экономических неравенств между экономической «верхушкой» общества и основной массой населения, и в этом смысле выбор хотя бы одного из указанных двух противоречий говорит об осо-

бой остроте именно такого типа противоречий. С этой оговоркой данный конфликт и в 2017 году был наиболее острым в массовом сознании, поскольку 40,1% респондентов назвали тогда в числе трех наиболее острых для российского социума противоречий хотя бы одно из связанных с избыточностью монетарных неравенств противоречий, в т. ч. 6,2% выбрали сразу оба варианта.

Сохраняющаяся острота противоречий, обусловленных избыточностью экономических неравенств, как и другого вида – между «верхушкой» общества и массовыми слоями населения (противоречия между властью и народом), контрастирует с консолидацией общества по основаниям, ранее гораздо сильнее дифференцировавшим именно массовые его слои. Так, заметно уменьшились доли отмечавших в числе наиболее острых противоречия между русскими и нерусскими (с 12,8 до 9,1%), местными и приезжими (с 10,4 до 6,7%), православными и мусульманами (с 8,2 до 3,6%) и т. д.

Однако противоречие между Москвой и регионами в период с 2017 по 2021 год стало даже более актуальным для российского общества – 16,4% назвали его в 2021 году в числе наиболее острых против 11,9% в 2017 году. Главными причинами недовольства жителей регионов Москвой является отчасти активная миграция молодежи в столицу, воспринимаемую молодыми россиянами как «город шансов» (Столицы и регионы..., 2018), но главное – существенно более высокий уровень жизни в Москве по сравнению с большинством регионов. Таким образом, в этом противоречии косвенно отражается как противоречие между богатыми и бедными, так и критика власти.

Противоречия на политической почве, а именно между людьми разных политических убеждений, между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития, а также между сторонниками и противниками демократии, столь важные в глазах западных теоретиков, не находят особого отклика среди российского населения: частота выбора перечисленных противоречий не превышала в 2021 году 6%. Однако на

фоне СВО они заметно актуализировались, как и противоречие между западниками и сторонниками российского пути развития, хотя и не вышли, по данным последних исследований ИС ФНИСЦ РАН, на передний план.

Таким образом, противоречия на почве глобализации, т. е. разные аспекты конфликта глобального и индивидуального, не находят пока отклика в сознании российских граждан, которых в первую очередь беспокоит уровень собственного или семейного благосостояния, а также недостаточное внимание власти, в том числе местной, к простым гражданам и их проблемам. Более того – на фоне этих противоречий на второй план отодвигаются даже конфликты, связанные со сферой труда. Так, противоречие между собственниками предприятий и наемными работниками назвали в числе трех самых острых противоречий российского общества лишь 13,8% респондентов, а конфликт между руководителями и подчиненными – 5,7%. И хотя среди работающих (особенно на частных предприятиях) эти показатели были чуть выше, общую картину они не меняли. Малоактуальны для россиян и другие противоречия, в частности между поколениями.

Особенности восприятия противоречий российского общества в различных группах населения

Говоря о различных противоречиях, важно понимать, для каких слоев и групп населения они представляют наибольшую значимость. Это позволяет точнее определить причины остроты того или иного противоречия. Однако, хотя технически такой анализ лучше проводить с меньшим числом переменных, противоречия, которые рассматривались в ходе нашего анализа, не поддавались укрупнению, поскольку оказались слабо связаны между собой.

Применительно к каждому противоречию нами рассматривался ряд различных оснований дифференциации отношения к нему населения – пол, возраст, место жительства, образование и другие. Далее, с учетом наиболее значимых из этих оснований,

характеризовались групповые особенности восприятия четырех наиболее популярных среди россиян противоречий, а также некоторых других противоречий, значимых для общего понимания ситуации в российском обществе.

Начнем с противоречия между богатыми и бедными. Относительно его наибольший интерес для исследования представляет дифференциация респондентов по субъективному благополучию (самооценкам своего материального положения), а также по возрасту – именно эти основания дифференциации дали в отношении к нему наибольшие «разбросы». Так, если в среднем по массиву доля выбравших это противоречие в числе основных для российского общества составила 42,9%, то среди оценивших свое материальное положение как плохое соответствующий показатель равнялся 50,8%. Причем среди оценивших свое материальное положение как хорошее выбор этого противоречия превысил треть (37,7%). Однако и треть – серьезный показатель, говорящий о высокой степени недовольства даже обеспеченных граждан глубиной дифференциации доходов в российском обществе.

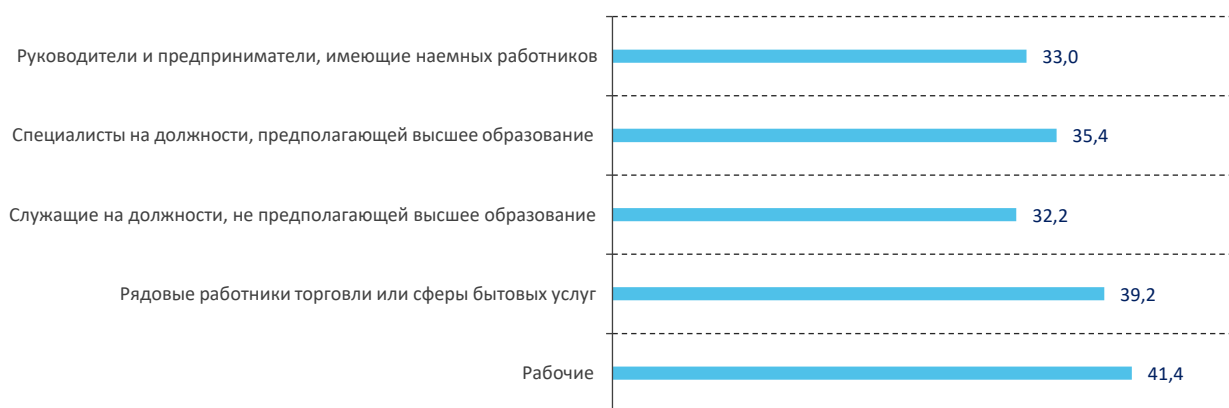
Учитывая материальное положение пенсионеров, не удивительно, что чаще всего это противоречие называли люди старше 65 лет (рис. 2). Кроме того, чем старше респонденты, тем чаще они выбирали данное противоречие, особенно высоки показатели в группах старше 45 лет. Это связано с повышенной уязвимостью более возрастных групп на многих сегментах современного рынка труда, обусловленной, в частности, худшим здоровьем, меньшей мобильностью, худшим, чем у более молодых соискателей, уровнем знания компьютерных компетенций и т. д.

Противоречие между властью и народом – второе по популярности. Главными основаниями дифференциации при его выборе оказались социально-профессиональный статус респондентов и субъективное восприятие своего материального положения. Если среди оценивающих свое материальное положение как плохое это противоречие

Рис. 2. Выбор противоречия между богатыми и бедными как одного из основных противоречий российского общества в разных возрастных группах, %

Рассчитано по: данные мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2021 года.

Рис. 3. Выбор противоречия между властью и народом как одного из основных противоречий российского общества среди представителей различных социально-профессиональных групп, %

Рассчитано по: данные мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2021 года.

в числе наиболее острых для российского социума называли 45,7%, то среди оценивающих его как хорошее – 31,8%. Тенденция обостренного восприятия этого противоречия среди представителей относительно менее благополучных групп прослеживается и при анализе роли профессиональной дифференциации. Острее всего его воспринимают рабочие (рис. 3).

Особая роль двух указанных оснований дифференциации взглядов россиян по отношению к данному противоречию говорит о связи отношения к власти и ощущения несправедливости собственного положения в их сознании. Не случайно чаще всего его выбирали самые уязвимые на рынке труда социально-профессиональные группы, а также относящие себя к малообеспеченным. Именно представители этих двух групп чаще

остальных были недовольны и отношением власти к несправедливости в сфере труда.

Однако для россиян в данном вопросе важны не только их личные интересы, но и представления о справедливости вообще. Так, среди рабочих чаще всего в числе наиболее острых для российского общества противоречие между властью и народом называли рабочие от пятого разряда (43,0%), а не неквалифицированные рабочие (38,6%). Даже среди оценивающих свое материальное положение как хорошее таких было более четверти, как и среди наиболее высокодоходных представителей массовых слоев.

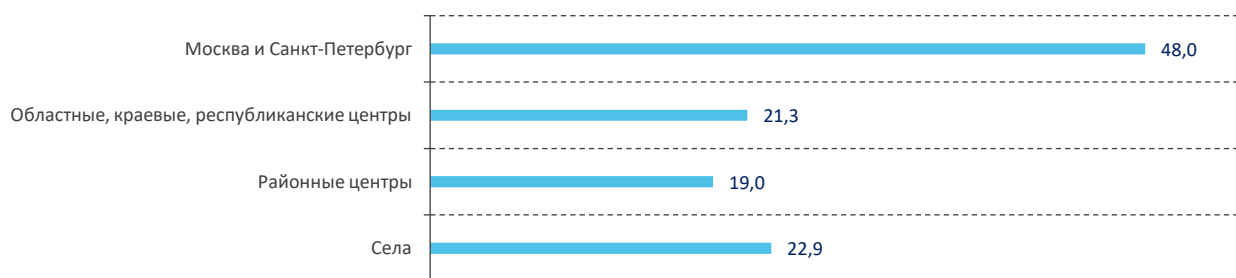
Противоречие между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, является третьим по популярности. Единственным значимым основанием дифференциации, представляющим интерес для анализа, в от-

ношении него выступает тип поселения, где проживали респонденты (рис. 4).

Как видно на рис. 4, жители крупнейших российских мегаполисов воспринимают противоречие между чиновниками и гражданами, к ним обращающимся, значительно острее, чем россияне, проживающие в населенных пунктах других типов – они выбрали его в 48,0% случаев при среднем показателе в 24,7%, что вдвое выше, чем второй показатель среди всех типов поселений (в селах он составлял 22,9%). Такая разница свидетельствует о низкой удовлетворенности жителей Москвы и Санкт-Петербурга работой местных чиновников.

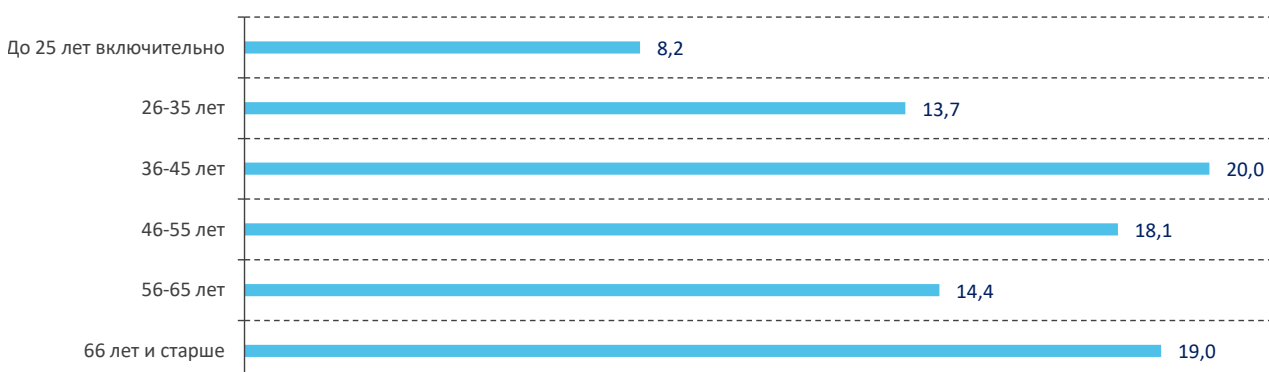
Противоречие между Москвой и провинцией – четвертое по популярности. Главным основанием для дифференциации в этом случае служит возраст (рис. 5). Интересно, что здесь зависимость не линейная, а «дву-горбая».

Молодежь до 25 лет существенно реже остальных называла данное противоречие в числе основных противоречий российского общества (8,2% случаев при среднем показателе в 16,4%). Это обусловлено прежде всего тем, что Москва привлекает молодежь из других регионов качеством и разнообразием программ высшего образования, а также более высокой по сравнению с большинством регионов страны заработной платой. Значительная часть молодежи из регионов заинтересована в переезде в Москву и допускает его для себя, поэтому спокойнее относится к этому противоречию (Столицы и регионы..., 2018). В то же время среди респондентов 36–45 лет наивысший показатель выбора данного противоречия – 20,0%. Это группа наиболее работоспособного населения страны, сталкивающаяся с наибольшими проблемами в своей повседневной жизни в силу наличия несовершеннолетних детей

Рис. 4. Выбор противоречия между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, как одного из основных противоречий российского общества среди жителей различных типов поселений, %

Рассчитано по: данные мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2021 года.

Рис. 5. Выбор противоречия между Москвой и провинцией как одного из основных противоречий российского общества среди различных возрастных групп, %

Рассчитано по: данные мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2021 года.

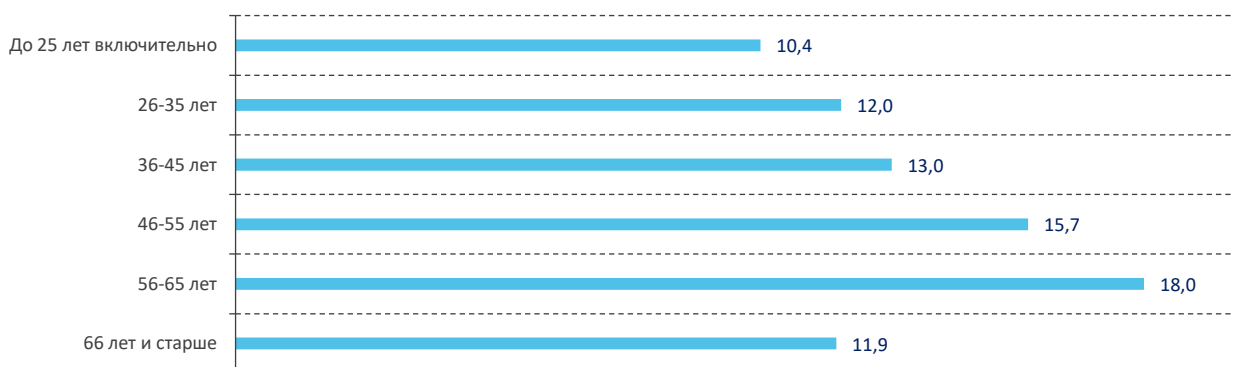
(Российское общество..., 2022). Столь высокий процент выбора противоречия между Москвой и провинцией в данной возрастной группе как одного из наиболее острых для российского социума может объясняться также стереотипным образом Москвы как «выжимающей все соки» из регионов и тем, что Москва очень часто воспринимается россиянами как центр власти, а не реальный город (Столицы и регионы..., 2018). Среди респондентов старше 45 лет острота этого противоречия спадает, и второй «горб» его значимости приходится на возраст неработающих пенсионеров. Возможно, это связано с пресловутыми «московскими пенсиями», хотя не менее вероятно, что здесь сказывается отношение к Москве как центру власти, к которой у пенсионеров немало экономических претензий.

Противоречие между собственниками предприятий и наемными работниками было выбрано в 13,8% случаев (14,0% среди работающих). Наибольший интерес в этом случае представляет дифференциация по возрасту (рис. 6).

Чем старше респонденты, тем чаще они выбирали противоречие между собственниками предприятий и наемными работниками (от 10,4% в возрастной группе до 25 лет включительно до 18,0% в группе россиян 56–65 лет, когда проблема занятости под влиянием возрастной дискриминации и ухудшения здоровья обостряется). При этом для возрастной группы 66 лет и старше

в силу нахождения на пенсии это противоречие становится уже мало актуальным и достаточно абстрактным. Причиной же низкого процента его выбора у респондентов до 25 лет является высокая доля среди них учащихся в учебных заведениях среднего профессионального или высшего образования. Значительная часть учащихся не имеет постоянного места работы. Таким образом, среди пожилых людей, как и молодежи до 25 лет, наименьший процент занятых, что и обуславливает их пониженный интерес к противоречию между собственниками предприятий и наемными работниками.

Заслуживает особого внимания также противоречие между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития. Несмотря на низкий процент его выбора в числе наиболее острых в 2021 году (5,6%), это противоречие резко актуализировалось с началом СВО на территории Украины в 2022 году. В этих условиях вызывает особый интерес позиция россиян, которые выбирали данное противоречие даже до начала СВО. Наиболее значимыми показателями дифференциации отношения к указанному противоречию являются во многом связанные между собой социально-профессиональный статус и тип населенного пункта, где проживали респонденты. При этом влияние социально-профессионального статуса в абсолютных цифрах ощущается несколько сильнее. Разрыв между полярными группами – руководители и предпринима-

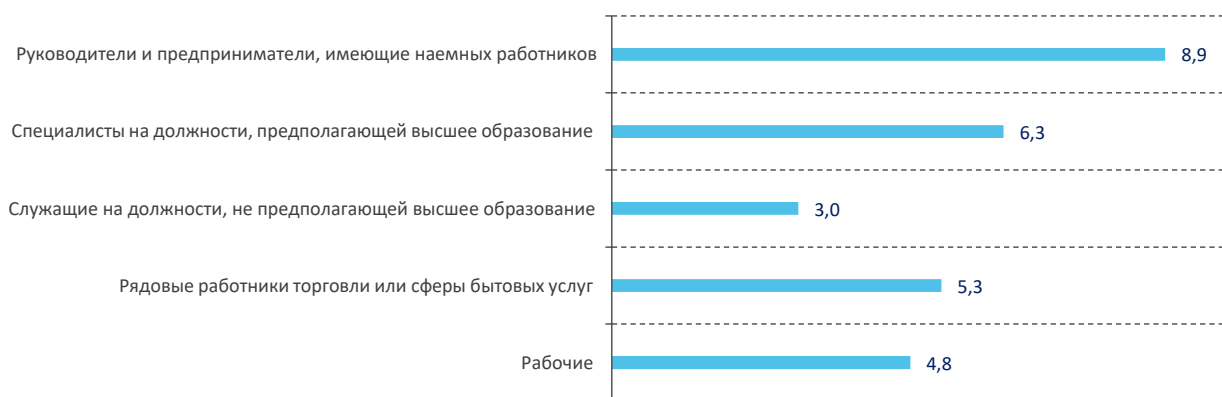
Рис. 6. Выбор противоречия между собственниками предприятий и наемными работниками как одного из основных противоречий российского общества среди различных возрастных групп, %

Рассчитано по: данные мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2021 года.

тели с одной стороны и служащие с другой – достигает практически трех раз (рис. 7), в то время как для жителей разных типов населенных пунктов он лишь немного превышает два раза – в Москве и Санкт-Петербурге 9,1%, а в центрах субъектов РФ – лишь 4,2%. Таким образом, чаще остальных противоречие между западниками и сторонниками самостоятельного пути развития в 2021 году выбирали руководители и предприниматели, имеющие наемных работников, а также жители Москвы и Санкт-Петербурга. Реже всего данное противоречие выбирали жители областных, краевых и республиканских центров и служащие на должностях, не предполагающих высшего образования.

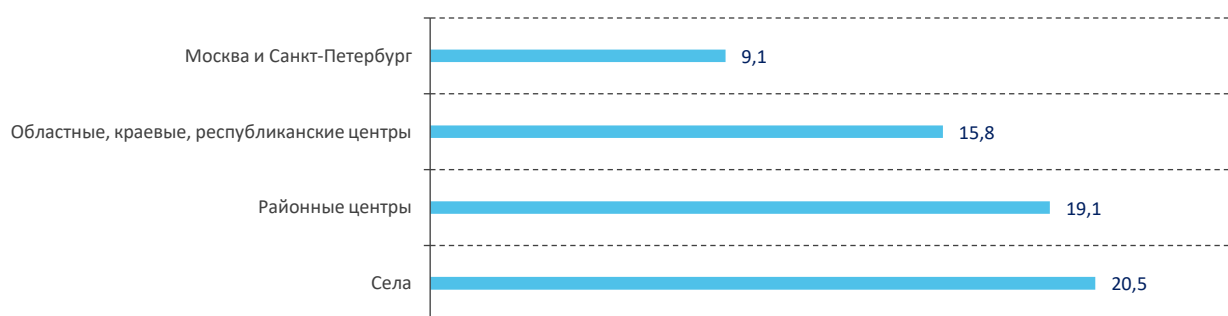
Не видели острых противоречий в российском социуме в 2021 году 17,0% россиян. Значимыми основаниями для дифференци-

ации позиций в этом отношении являются тип населенного пункта по месту проживания, возраст и субъективное восприятие своего материального положения, причем наибольшие разрывы в распространенности такой позиции характеризуют жителей разных типов поселений (рис. 8). Почти двукратные разрывы в популярности соответствующего ответа характерны и для полярных возрастных групп (его выбирают 23,6% молодежи до 25 лет и 12,7% россиян от 66 лет и старше), причем изменение взглядов разных возрастных групп в этом вопросе носит линейный характер. Что же касается субъективного материального благополучия, то оценивающие свое материальное положение как плохое считают, что в российском обществе никаких острых противоречий нет, в 12,0% случаев, а оценивающие его как хорошее – в 20,2%.

Рис. 7. Выбор противоречия между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития как одного из основных противоречий российского общества среди представителей различных социально-профессиональных групп, %

Рассчитано по: данные мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2021 года.

Рис. 8. Доля считающих, что в российском обществе нет никаких острых противоречий, в разных типах поселений, %

Рассчитано по: данные мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2021 года.

Объяснить такое распределение ответов можно тем, что в крупнейших мегаполисах объем информации и набор проблем, с которыми сталкиваются жители каждый день, больше, чем у жителей других типов населенных пунктов, следовательно, интерес к различным сторонам общественных отношений и их стабильности в Москве и Санкт-Петербурге выше. Тот же феномен лежит в основе разного отношения к наличию противоречий в российском обществе у различных возрастных групп. Чем моложе респонденты, тем чаще они не видят острых противоречий, поскольку молодежь до 25 лет обладает наименьшим количеством социальных ролей и статусов по сравнению с другими возрастными группами, что уменьшает для нее вероятность столкнуться с соответствующими социальными противоречиями. Наконец, нестабильность социального и экономического положения малообеспеченных, их недовольство своим положением приводит к повышенному интересу этой социальной группы к общественным противоречиям, в особенности на финансовой почве (т. е. особо значимо для большинства из них противоречие между богатыми и бедными).

Выводы

В ходе проведения исследования нами была поставлена цель понять, какие противоречия массовые слои российского общества воспринимают в качестве наиболее острых. Эмпирические данные свидетельствуют, что самыми острыми для россиян выступают противоречия между богатыми и бедными, между властью и народом, между чиновниками и обращающимися к ним гражданами, а также между Москвой и провинцией. Это позволяет сделать вывод о том, что глобальные противоречия, описанные зарубежными исследователями (М. Кастельсом, И. Валлерстайном и др.), отражающие противостояние разных субъектов в процессе глобализации, не находят отклика в сознании россиян. В то же время существуют социальные группы, воспринимающие те или иные противоречия в обществе острее других. Чаще всего социальные про-

тиворечия в российском обществе волнуют россиян, характеризующихся субъективным материальным неблагополучием (причем субъективное восприятие своего положения важнее, чем реальные размеры доходов), жителей Москвы и Санкт-Петербурга, а также пожилых граждан. Молодежь до 25 лет включительно, жители сел и субъективно благополучные в материальном плане россияне воспринимают противоречия российского социума спокойнее представителей остальных социальных групп.

В то же время есть противоречия, специфичные преимущественно для определенных групп. Так, противоречие между молодежью и старшими поколениями воспринимается острее полярными возрастными группами, а противоречие между западниками и сторонниками самостоятельного пути развития – руководителями и предпринимателями, а также жителями Москвы и Санкт-Петербурга. С другой стороны, есть группы, характеризующиеся специфическими для них наборами наиболее острых противоречий. Это прежде всего уже упоминавшиеся выше россияне, считающие свое материальное положение плохим, жители Москвы и Санкт-Петербурга, а также молодежь до 25 лет и люди старше 66 лет. Граждан, субъективно оценивающих свое материальное положение как плохое, относительно чаще волнуют противоречие между богатыми и бедными, а также противостояние власти и народа. Жителей Москвы и Санкт-Петербурга чаще беспокоит неэффективность чиновничьего аппарата и его взаимодействие с горожанами. При этом в целом противоречиями в российском обществе они озабочены сильнее остальных и реже представителей других социальных групп считают, что никаких острых противоречий в нем нет (9,1% при среднем показателе 17,0%). Молодежь до 25 лет, напротив, чаще других граждан страны не видит в российском обществе каких-либо острых противоречий. Кроме того, даже среди видящих таковые ее представители относительно редко выбирают противоречие между богатыми и бедными, а также

противоречие между Москвой и провинцией. Противоположных позиций придерживаются россияне старше 65 лет, которых данные противоречия волнуют относительно чаще, чем представителей других возрастных групп. Наблюдается конфронтация крайних возрастных групп и в восприятии противоречия между поколениями, которое чаще всего указывали в числе наиболее острых для российского общества именно представители полярных возрастных групп,

хотя и в них соответствующие показатели были относительно невелики (11,0–12,3%), что говорит о неактуальности тезиса о «войне поколений» для России.

Таким образом, российский социум многогранен, что отражается и в восприятии массовыми слоями населения его наиболее острых противоречий. Это говорит о значимости исследований в данной области, важных для понимания рисков социальной стабильности российского общества в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2016). Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Горшков М.К., Аникин В.А., Бызов Л.Г. [и др.]. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир. С. 313–333.
- Бек У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну: монография. Москва: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1
- Валлерстайн И. (2006). Миросистемный анализ: введение / пер. Н. Тюкиной. Москва: Территория будущего. 248 с.
- Горшков М.К., Андреев А.Л., Бараш Р.Э. [и др.] (2017). Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Москва: Весь Мир. 427 с.
- Иноземцев В.Л. (2000). Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Москва: Логос. 304 с.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Кургинян С.Е. (2008). Качели. Конфликт элит или развал России? Москва: ЭТЦ. 772 с.
- Лукьянов Ф.А. (2015). Мир на взводе: пружина разжимается. Москва: Эксмо. 384 с.
- Миллер А.И., Лукьянов Ф.А. (2016). Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Россия в глобальной политике. Т. 14. № 6. С. 8–29.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018) / под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История. 368 с.
- Петухов В.В. (2014). Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь мир. 304 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга шестая (2022) / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир. 284 с. DOI: 10.55604/9785777708984
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя (2018) / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. Москва: Весь Мир. 312 с.
- Стэндинг Г. (2014). Прекариат. Новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс. 328 с.
- Dal Bó E., Dal Bó P. (2004). Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. *Working Paper*, No. 2004-11, Brown University, Department of Economics, Providence, RI.
- De Dreu C. (2010). *Social Conflict: The Emergence and Consequences of Struggle and Negotiation*, 1–42. DOI: 10.1002/9780470561119.socpsy002027
- Hertel F., Schöneck N. (2019). Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*, 1–19. DOI: 10.1177/0001699319847515
- Wieviorka M. (2013). Social conflict. *Current Sociology*, 61, 696–713. DOI: 10.1177/0011392113499487

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Васильевич Дудин – лаборант-исследователь, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: kaisavolsunen@mail.ru)

Dudin I.V.

PEOPLE'S PERCEPTIONS OF THE MAIN CONTRADICTIONS IN RUSSIAN SOCIETY

Understanding the “pain points” of society and the most acute contradictions for it is relevant when analyzing any society, and especially such a complex society as the Russian one. However, the analysis of these contradictions can be carried out both in terms of their objective significance, and through the prism of the subjective perception of their population, which is especially important in the analysis of social tension. This article, which aims to understand which contradictions in Russian society are perceived by the population of the country as the most acute ones, has been prepared within the framework of the latter approach. The views of foreign and Russian researchers on the main contradictions in modern societies in general and in Russian society in particular are considered, a comparative characteristic of the significance of various social contradictions of Russian society in the perception of citizens of the country is given, the specifics of groups that differ in their assessment of the most acute contradictions of Russian society, and the group that does not see any acute contradictions in it at all, are defined. We also compared people's assessments of the most acute contradictions in Russian society with the assessments of scientists dealing with the mentioned problems of the main contradictions in modern societies. In particular, contradictions between the rich and the poor and contradictions reflecting different facets of the relationship between the state and citizens are perceived most acutely by Russians. Most of all the contradictions in society concern Russians who are characterized by subjective financial disadvantage (and the subjective perception of their situation is more important than the actual size of their income), residents of Moscow and Saint Petersburg, and senior citizens. At the same time, young people under 25, residents of villages and those, who do not experience financial difficulties, perceive contradictions in the Russian society more calmly, than representatives of other social groups.

Social contradictions, mass consciousness, conflicts, social inequality, social consciousness, social tension.

REFERENCES

- Anikin V.A., Tikhonova N.E. (2016). The interests of the person, the state and society in the mass perception of the population. In: *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ya* [Russian Society and the Challenges of the Time. Book Three] Moscow: Ves' Mir.
- Beck U. (2000). *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu: monografiya* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019). Social structure transformation of late capitalism: From proletariat and bourgeoisie towards precariat and creative class? *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 1, 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1 (in Russian).
- Castells M. (2000). *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: HSE University.
- Dal Bó E., Dal Bó P. (2004). Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. *Working Paper*, 2004-11. Brown University, Department of Economics, Providence, RI.

- De Dreu C. (2010). *Social Conflict: The Emergence and Consequences of Struggle and Negotiation*, 1–42. DOI: 10.1002/9780470561119.socpsy002027
- Gorshkov M.K., Andreev A.L., Barash R.E. et al. (2017). *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Moscow: Ves' Mir.
- Hertel F., Schöneck N. (2019). Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*, 1–19. DOI: 10.1177/0001699319847515
- Inozemtsev V.L. (2000). *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern Post-Industrial Society: Nature, Contradictions and Prospects]. Moscow: Logos.
- Kurginyan S.E. (2008). *Kacheli. Konflikt elit ili razval Rossii?* [Swings. Conflict of the Elites or the Collapse of Russia?]. Moscow: ETTS.
- Lukyanov F.A. (2015). *Mir na vzvode: pruzhina razzhimaetsya* [The World is on Tension: The Spring is Unfolding]. Moscow: Eksmo.
- Miller A.I., Lukyanov F.A. (2016). Detachment instead of confrontation: Post-European Russia in search of self-sufficiency. *Rossiya v global'noi politike=Russia in Global Affairs*, 14(6), 8–29 (in Russian).
- Petukhov V.V. (2014). *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the Poor in Modern Russia]. Moscow: Ves' Mir.
- Standing G. (2014). *Prekariat. Novyi opasnyi klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Margimen Press.
- Tikhonova N.E. (Ed.). (2018). *Model' dokhodnoi stratifikatsii rossiiskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya* [Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Inter-country Comparisons]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Tikhonova N.E., Gorshkov M.K. (Eds.). (2018). *Stolitsy i regiony v sovremennoi Rossii: mify i real'nost' pyatnadsat' let spustya* [The Capitals and Regions of Modern Russia: Myths and Facts Fifteen Years Later]. Moscow: Ves' Mir.
- Tikhonova N.E., Gorshkov M.K. (Eds.). (2022). *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Moscow: Ves' Mir. DOI: 10.55604/9785777708984
- Wallerstein I. (2006). *Mirosistemnyi analiz: vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow: Territoriya budushchego.
- Wieviorka M. (2013). Social conflict. *Current Sociology*, 61, 696–713. DOI: 10.1177/0011392113499487

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Il'ya V. Dudin – senior laboratory assistant, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: kaisavolsunen@mail.ru)